
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЮЖНАЯ РУСЬ

ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Профес. А. И. Маркевича.

ОДЕССА.
Типографія В. В. Кирхнера, Пушкинская ул., № 19.
1893.

Дозволено цензурою. Одесса, 1 Марта 1893 г.

ЮЖНАЯ РУСЬ

ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Южная Русь при Екатеринѣ II.

Въ исторіи той части южной Руси, которая называется Новороссійскимъ краемъ, нѣтъ болѣе важной эпохи, какъ время царствованія Екатерины II, разумѣется, если мы имѣемъ въ виду значеніе этого края въ жизни *русскаго* народа. Въ этомъ отношеніи можно безъ преувеличенія дѣлить исторію Новороссійскаго края на два періода: отъ сотворенія міра до И. Екатерины II и отъ И. Екатерины II до нашего времени. Я не останавливаюсь на исторіи только Новороссійскаго края, а желаю расширить рамки и говорить о времени Екатерины II по отношенію всей южной Руси, такъ какъ исторія Новороссіи составляетъ часть исторіи южной Руси за тоже время. Въ жизни всей южной Руси время царствованія И. Екатерины II имѣетъ огромную важность, чтобы охарактеризовать которую мнѣ достаточно лишь сказать, что въ это время почти во всѣхъ частяхъ южной Руси прекращается политическая жизнь народа. Неодинаковы были условія этого прекращенія; тѣмъ болѣе различны были обстоятельства, съ нимъ связанныя, но объ этомъ рѣчь впереди; пока мнѣ важно лишь установить, какъ путеводный принципъ, общее окончаніе политической жизни всѣхъ частей южной Руси, сліяніе ихъ съ большимъ русскимъ государствомъ, подчиненіе ихъ его политическому строю, что и дало, наконецъ, возможность образоваться Всероссійской Имперіи почти въ ея настоящемъ видѣ.

Какъ я сказалъ, прекратилась политическая жизнь, и вездѣ по своему, въ различныхъ частяхъ южной Руси. Какія-же именно ея части существовали, примѣрно, въ половинѣ XVIII в., т. е. ко времени вступленія на престолъ И. Екатерины, и каковъ былъ въ главныхъ чертахъ политическій и общественный ихъ строй?

На первомъ мѣстѣ поставимъ такъ называемую гетманщину, или лѣвобережную (по теченію Днѣпра) Малороссію, занимавшую въ то время предѣлы нынѣшней Черниговской и Полтавской губерній. Россіи принадлежалъ еще на правомъ берегу Днѣпра г. Кіевъ съ округомъ; онъ составлялъ особую административную единицу, такъ назыв. Кіевскую губернію, и вѣдался въ центральныхъ

учрежденіяхъ. Столицею-же гетманщины былъ тогда г. Глуховъ. Исторія отношеній гетманщины къ центральному русскому правительству была весьма разнообразна. Присоединившаяся къ Москвѣ, на весьма льготныхъ для себя обѣщаніяхъ, гетманщина въ теченіе XVII в. энергично отстаивала свою политическую самостоятельность, и при гетманахъ Самойловичѣ и Мазепѣ достигла въ этомъ отношеніи важныхъ результатовъ. Лихорадочная дѣятельность Петра В. вызвала цѣлый рядъ осложненій въ жизни Малороссіи, закончившихся измѣною Мазепы, которая породила въ Петрѣ В. сознаніе необходимости ограниченія политическихъ правъ Малороссіи, что въ концѣ концовъ и выразилось фактическимъ упраздненіемъ въ ней гетманскаго сана, съ замѣною гетманскаго правленія особою коллегіей (по примѣру тѣхъ, коимъ въ то время ввѣрено было правленіе въ самой Россіи) и усиленіемъ въ малорусской служилой сферѣ великорусскаго элемента; достигнуть большаго, въ смыслѣ сліянія Малороссіи съ Великороссіей, Петръ В. уже не успѣлъ.

Преемники Петра Великаго далеко не всегда отличались консеквентностью въ своей дѣятельности вообще, а потому и въ отношеніяхъ къ зависимой отъ нихъ южной Руси. Вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго возстановлено было гетманское достоинство, затѣмъ при Аннѣ Ивановнѣ снова уничтожено, а при Елисаветѣ Петровнѣ снова возстановлено. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло было обусловлено просто благосклонностью Елисаветы къ графу Алексѣю Разумовскому, большому малорусскому патріоту, почему и Императрица весьма благоволила къ Малороссіи и считалась съ желаніями ея руководящихъ дѣятелей. Такимъ образомъ гетманское управленіе въ лѣвобережной Малороссіи, со смѣшеніемъ военныхъ и гражданскихъ учрежденій (какъ это было еще при Хмѣльницкомъ), не безъ приключеній достигло и до царствованія Императрицы Екатерины II.

Но помимо этой чисто внѣшней исторіи была еще и другая, которая сближала малороссовъ и великороссовъ тѣснѣе, чѣмъ всякія правительственныя распоряженія; ихъ соединяли многообразныя культурныя связи: брачныя отношенія между ними вовсе не были рѣдкостью; тысячи великороссовъ служили, торговали, владѣли имѣніями, нанимались на работу и т. п. въ Малороссіи, и наоборотъ, въ силу тѣхъ-же причинъ, малороссы массами жили въ Великороссіи; при Императрицѣ Елисаветѣ они были замѣтнымъ служебнымъ элементомъ даже въ центральныхъ с.-петербургскихъ учрежденіяхъ и при Дворѣ; изъ малороссовъ-же, какъ болѣе образованныхъ, состояло высшее русское духовенство; общее европейзированье жизни въ одинаковой мѣрѣ распространялось и на Великороссію, и на Малороссію; одинаковое воспитаніе подготовляло и къ однообразному умственному развитію, къ увлеченію одними и тѣми-же идеалами; словомъ, жизнь ежеминутно все болѣе и болѣе скрѣпляла союзъ двухъ русскихъ національностей, независимо отъ разницы въ политическомъ и об-

щественномъ ихъ строѣ. Можно положительно сказать, что въ половинѣ XVIII в. вопросъ о полномъ объединеніи Великороссіи и Малороссіи былъ предрѣшенъ вполнѣ, и, такъ какъ сила была на сторонѣ первой, то и приходилось Малороссіи поступиться своимъ строемъ, принеся его въ жертву идеѣ русскаго государственнаго единства.

Несоотвѣтствіе малорусскаго политическаго и общественнаго строя съ современною жизнью Малороссіи сказалось и въ фактахъ тогдашней ея исторіи. Существовалъ гетманъ—графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, нѣкогда деревенскій пастухъ, ставшій важнымъ аристократомъ и смотрѣвшій потомъ на себя, какъ на русскаго Монморанси, мало образованный и вскорѣ сдѣланный президентомъ Академіи наукъ, попавшій въ гетманы лишь вслѣдствіе фавора своего брата, петербургскій жуиръ, смотрѣвшій на пребываніе въ своей столицѣ—Глуховѣ, какъ на ссылку, и болѣвшій здѣсь „тоскою по родинѣ"—по С.-Петербургу,—кинувшій малорусскія дѣла вполнѣ въ руки мѣстныхъ аристократовъ и тайныхъ с.-петербургскихъ агентовъ и интересовавшійся Малороссіей лишь потому, что онъ могъ здѣсь увеличить до 100.000 число своихъ крестьянъ, да еще, пожалуй, потому, что пріятно было носить громкій титулъ гетмана запорожскихъ войскъ въ тотъ вѣкъ, когда вообще шла погоня за титулами. Что общаго имѣлъ этотъ гетманъ съ Малороссіей? Лично онъ былъ человѣкъ недурной, неглупый, очень остроумный даже, но въ душѣ его не было и сотой доли той сердечной связи съ Малороссіею, которая все-же существовала въ душѣ самыхъ неудачныхъ ея дѣльцовъ прежняго времени. Словомъ, это былъ обычный крупный чиновникъ своего времени. Уже одна возможность появленія въ Малороссіи такого гетмана, какъ графъ К. Г. Разумовскій, доказываетъ, что политическому существованію ея наступилъ конецъ.

Генеральная старшина и знатное малорусское козачество, пожалуй, еще питали любовь къ своему малороссійскому прошлому; но они весьма охотно становились и русскими дворянами и не хуже русскихъ образцовъ закрѣпощали крестьянское населеніе, расхищали государственное достояніе, захватывали всякія угодья, не останавливаясь и передъ насиліями. Если они всетаки еще не желали окончательно подчиниться центральнымъ учрежденіямъ, то лишь потому, что у себя они были господами и пользовались всѣми выгодами своего положенія.

Податные классы населенія прямо тянули къ соединенію съ Великороссіей, надѣясь найти въ центральной власти охрану противъ произвола мѣстной аристократіи. Словомъ, и сословныя отношенія гетмащины приводили къ поглощенію ихъ великорусскими. Поэтому прекращеніе политической самостоятельности Малороссіи и реформированіе ея строя, если бы этого пожелало центральное правительство, представлялись дѣломъ уже неособенно труднымъ.

Еще болѣе легкимъ представлялось уничтоженіе областныхъ особенностей въ той части Малороссіи, которая носила названіе Слободской Украины. При самой колонизаціи этой стороны здѣсь былъ довольно силенъ великорусскій элементъ; затѣмъ, въ исторіи XVII в. можно замѣтить, что слободскіе полки обнаруживаютъ по отношенію къ Гетманщинѣ значительныя сепаратическія тенденціи; поэтому Московскому правительству было нетрудно выдѣлить ихъ изъ остальной Малороссіи и подчинить центральнымъ учрежденіямъ. При Петрѣ В. и его преемникахъ, особенно при И. Аннѣ Іоанновнѣ, это подчиненіе сдѣлалось настолько сильнымъ, а измѣненіе существующихъ порядковъ столь значительнымъ, что Слободскую Украину можно было въ политическомъ отношеніи уже не считать Малороссіей, и лишь нѣкоторыя второстепенныя отличія въ устройствѣ и управленіи указывали, что это былъ когда-то край болѣе самостоятельный.

Иное дѣло слѣдующая часть южной Руси—славное Запорожье. Въ половинѣ XVIII в. оно хотя и признавало верховную власть русскаго Царя, но имѣло довольно обособленное устройство и жило особою политическою жизнью, впрочемъ, не въ такой степени, какъ это принято думать. Когда при И. Аннѣ, стараніями гр. Вейсбаха, запорожское козачество, которому, конечно, тягостно было жить подъ полумѣсяцемъ, вѣка съ нимъ враждовавшимъ, вернулось подъ власть Россіи и поселилось въ Новой (и уже послѣдней) сѣчи, не удобно и опасно было русскому правительству сразу приступить къ ломкѣ запорожскихъ сепаративныхъ порядковъ, подобно тому, какъ оно въ то время ломало ихъ въ интересахъ государственности въ Гетманщинѣ и Слободской Украинѣ; да трудно это было сдѣлать и по территоріальнымъ отношеніямъ: государство не было столь сильно, чтобы наложить руку на отдаленное Запорожье, съ его обширными лугами и степями, примыкавшими къ враждебнымъ намъ татарскимъ землямъ. Наконецъ, силами запорожцевъ приходилось пользоваться въ случаѣ нерѣдкихъ въ XVIII в. войнъ съ Турціей. Такъ и сохранило Запорожье тогда свою сравнительную независимость; Императрица же Елизавета и вообще не трогала малороссовъ.

Но въ дѣйствительности ко времени И. Екатерины II съ Запорожьемъ произошли большія перемѣны, подготовившія его нетрудное уничтоженіе.

Вопервыхъ, весь смыслъ историческаго существованія Запорожья былъ тотъ, что оно было форпостомъ для борьбы христіанскаго Востока съ мусульманствомъ. Тотъ же смыслъ придавало своей дѣятельности большинство запорожцевъ въ половинѣ XVIII в., и поэтому не безъ энергіи вело борьбу съ татарами и, главное, тѣми же способами, какъ и раньше, т. е. практиковало систему частныхъ грабежей, терпя таковые и отъ татаръ—по старинѣ-жъ. Велась эта борьба самостоятельно, безъ справки объ интересахъ государства. Между тѣмъ сравнительное положеніе государствъ измѣнилось. Бояться по старому магометанскаго Во-

стока Россіи уже не было основанія; она вела войны съ Турціей иначе, чѣмъ прежде; правительству важнымъ казалось регулировать свои внѣшнія отношенія; отсюда вытекала необходимость такой зависимости Запорожья, которая дала бы возможность распоряжаться его силами по своему усмотрѣнію. Совершенно тотъ-же результатъ получился и для нашихъ отношеній къ Рѣчи Посполитой, куда запорожцы ходили по старой памяти гайдамаками; но о русско-польскихъ отношеніяхъ намъ еще прійдется говорить дальше. Очевидно, разъ Запорожье вошло въ составъ Россійской имперіи, ему предстояло уничтоженіе, или такое реформированіе, которое равносильно было уничтоженію.

Но этого мало. Въ Запорожье, вопреки самой его сущности, его историческому призванію, проникли своего рода аристократическія тенденціи, подобныя тѣмъ, которыя существовали въ знатномъ малорусскомъ козачествѣ. Обильно опубликованные въ послѣднее время документы о Запорожьѣ вскрыли намъ любопытный фактъ, что здѣсь было не мало лицъ, отличавшихся отъ простого козачества образованіемъ, культурнымъ образомъ жизни и политическими взглядами въ духѣ государственности. Такія лица, обыкновенно, вслѣдствіе своего развитія, становились руководителями Запорожья и вели дѣла его не по старому, а тоже въ духѣ государственности. Простое козачество, достаточно сильное, враждовало съ новымъ направленіемъ, не хотѣло жить и дѣйствовать по новымъ принципамъ; отсюда безконечные внутренніе раздоры, прекратить которые запорожскіе государственники были не въ силахъ, почему они и искали внѣшней помощи, обращаясь за нею не столько къ безполезному гетману, сколько къ болѣе вліятельнымъ кіевскимъ генералъ-губернаторамъ, которымъ принадлежало наблюденіе за южнорусскими дѣлами. Не отказывая запорожцамъ въ правѣ усваивать болѣе широкое образованіе и государственныя идеи, мы только спрашиваемъ: какъ все это могло мириться съ извѣстнымъ строемъ запорожской жизни?

Затѣмъ, запорожцамъ принадлежали въ Новороссіи обширныя земли, эксплоатировать которыя хозяйственнымъ образомъ они были не въ состояніи; между тѣмъ, въ этихъ земляхъ, представлявшихъ плодородный черноземъ, государство уже нуждалось. Оно даже отобрало часть земель для поселенія сербовъ-колонистовъ, которые продолжали здѣсь захваты; съ другой стороны — врѣзывались въ запорожскія земли и иные колонисты, выходцы изъ разныхъ частей Малороссіи, донскіе козаки и пр., что вызывало безконечную земельную борьбу, за окончаніемъ которой спорившіе обращались къ центральному правительству, рѣшавшему тяжбы обыкновенно не въ пользу запорожцевъ. Видя явное нарушеніе справедливости, запорожцы не слушались, отбивали земли; происходили безпорядки, на которые правительство не могло смотрѣть равнодушно; оно должно было думать объ измѣненіи этихъ, столь неудобныхъ порядковъ и встрѣчало даже сочувствіе среди вліятельныхъ запорожцевъ.

Что всего любопытнѣе,—запорожцы, сознавая невозможность эксплоатаціи своими силами принадлежащихъ имъ обширныхъ земель, довольно охотно отдавали ихъ колонистамъ, особенно изъ малороссовъ, но ставили ихъ въ положеніе своихъ крестьянъ, такъ что въ Новороссіи уже тогда зарождалось крѣпостное право. Запорожцы—и принадлежащіе имъ крестьяне! Не служитъ-ли это лучшимъ доказательствомъ, что славное нѣкогда Запорожье пережило самое себя, что оно въ сущности уже умерло, и оставалось лишь его похоронить.

Такимъ образомъ, уничтоженіе тѣхъ остатковъ политической жизни, которые существовали въ половинѣ XVIII в. въ Русской Малороссіи (а также и въ Польской, о чемъ я сейчасъ стану говорить), могло бы вызвать даже сочувствіе, если бы тотъ строй, тѣ порядки, которые пришли на смѣну, были лучшими; а объ этомъ именно можно еще спорить. Въ сущности, новое было развитіемъ прежняго въ его самыхъ худшихъ сторонахъ; но появленіе новыхъ порядковъ, конечно, сдѣлало возможнымъ участіе южной Руси въ послѣдующемъ (настоящемъ или будущемъ) прогрессѣ русской жизни.

Не считаю нужнымъ останавливаться на жизни тѣхъ малороссійскихъ поселеній, которыя съ одной стороны отъ гетманщины, Слободской Украины и Запорожья шли черезъ Воронежъ и Донъ къ Оренбургу и Кавказу, съ другой—отъ Запорожья и Польской Малороссіи въ татарскія еще степи, въ румынскія земли, чуть-ли не до Дуная, и въ Седмиградію. Всѣ эти малорусскія поселенія, иногда очень обширныя, не оставили по себѣ такого слѣда въ исторіи южной Руси, чтобы о нихъ возможно было говорить при столь бѣгломъ ея изложеніи; поэтому я и перехожу къ вопросу о положеніи той части южной Руси, которая тогда входила въ составъ Рѣчи Посполитой. Это была такъ назыв. Правобережная Малороссія, въ которой было нѣсколько польскихъ воеводствъ, а нынѣ три губерніи юго-западнаго края; сверхъ того малороссы занимали часть Полѣсья, такъ назыв. Холмскую Русь и Восточную Галицію. Къ послѣдней примыкала еще и Угорская закарпатская Русь, не принадлежавшая Рѣчи Посполитой и не имѣвшая при И. Екатеринѣ II отношенія къ Россіи, почему я на ней тоже не остановлюсь.

Малорусскія земли, входившія въ составъ польской короны, давно уже потеряли политическую самостоятельность и подчинились общему строю Рѣчи Посполитой; но именно въ силу этого онѣ пріобрѣли еще большія политическія права въ этомъ государствѣ; на сеймикахъ ихъ предрѣшались важнѣйшіе политическіе вопросы, которые затѣмъ рѣшались въ соучастіи съ ихъ депутатами и на генеральныхъ сеймахъ; ими, такъ сказать, была ограничена власть польскаго короля, ими же и избираемаго, и ограничена была очень сильно.

Но всѣ эти блага широко-развитой политической жизни падали въ Рѣчи Посполитой почти исключительно на долю одного

лишь класса населенія—такъ назыв. шляхетства, причемъ въ южной Руси пользованіе политическими правами было ограничено еще и вѣроисповѣданіемъ: диссидентское, т. е. христіанское, но не римско-католическое, а слѣдовательно и православное шляхетство ими не пользовалось. Правда, православнаго русскаго шляхетства въ южной Руси въ XVIII в. немного уже и оставалось; большинство же шляхты къ этому времени ополячилось и окатоличилось.

Между тѣмъ народъ въ южной Руси по прежнему былъ русскимъ и православнымъ, что, при распространеніи въ Рѣчи Посполитой крѣпостнаго права, создавало весьма острое положеніе, чему содѣйствовалъ и экономическій строй южной Руси. Запустѣвшія къ концу XVII в. плодороднѣйшія равнины Правобережья захвачены были немногими магнатами, владѣнія которыхъ больше походили на государства, чѣмъ на помѣстья. Путемъ льготъ привлечено было сюда значительное русское населеніе, которое, когда срокъ льготамъ окончился, оказалось снова закрѣпощеннымъ и эксплоатируемымъ въ экономическомъ отношеніи. За эту эксплоатацію оно мстило нелегальнымъ путемъ — чаще всего приставая къ нападавшимъ изъ Новороссійскихъ степей на польскія земли разбойникамъ—гайдамакамъ, которые, опираясь на сочувствіе мѣстнаго населенія и на возможность раствориться въ немъ въ случаѣ преслѣдованія, или укрыться въ Кіевщину, Лѣвобережье, Запорожье, Новороссійскія степи, грабили имѣнія польскаго панства. Впрочемъ, паны не очень-то мстили населенію за сочувствіе гайдамакамъ, ибо сильно нуждались въ рабочихъ рукахъ. Угнетаемое русское населеніе возлагало надежды, какъ всегда, на единовѣрную и единокровную Россію, гдѣ оно встрѣчало не мало сочувствія, особенно среди православнаго духовенства; но русское правительство послѣ Петра В. слишкомъ было занято придворными интересами и высшею дипломатіею въ зап. европейскомъ смыслѣ, наконецъ, слишкомъ было аристократическимъ, чтобы интересоваться участью православнаго южно-русскаго крестьянства. Сами культурные малороссы гетманщины послѣ Мазепы стали забывать о правобережной половинѣ своей родины, ибо они и въ Лѣвобережной Малороссіи переставали сознавать свою родину. Печальной памяти Андрусовскій миръ, погубившій Малороссію, едва-ли былъ извѣстенъ даже по имени людямъ, старавшимся забыть обо всемъ прошломъ и начинавшимъ жить новыми зап. европ. идеалами.

Таково было положеніе различныхъ частей южной Руси при вступленіи на престолъ Екатерины II; вездѣ было неспокойно, вездѣ была ломка; на развалинахъ прошлаго выростала новая жизнь на зап. европ. дрожжахъ; при этомъ чувствовалось, что въ дальнѣйшей судьбѣ южной Руси важную роль предстоитъ играть русскому правительству. Историческія обстоятельства складывались такимъ образомъ, что отъ Россіи зависѣло объединить всѣ разрозненныя части южной Руси и устроить ихъ въ томъ

видѣ, въ какомъ это будетъ русскому правительству удобно. Посмотримъ же, какъ эти задачи были имъ выполнены.

При томъ значеніи, которое имѣла у насъ всегда Верховная власть, логичнымъ представляется прежде всего обратиться къ личности И. Екатерины II и къ ея политическимъ взглядамъ, не оставшимся безъ значенія въ дальнѣйшей исторіи южной Руси.

Небогатая нѣмецкая принцесса, воспитанная однако въ космополитическомъ духѣ, въ виду того что судьба могла послать ей мужа какой угодно національности, Екатерина II, по своимъ чувствамъ всегда была космополиткою; но, сдѣлавшись русскою Великою княгинею и потомъ Императрицею, она добросовѣстно служила интересамъ новой родины, какъ она ихъ понимала. Великою княгинею стала она въ молодыхъ лѣтахъ, получивъ самое поверхностное воспитаніе; долго испытывая въ придворной и семейной жизни одни непріятности, Екатерина утѣшала себя сознаніемъ, что все это завершится полученіемъ русской короны, чего она не только жадно желала и ожидала, но, что важнѣе, къ чему она себя хотѣла и подготовить. Она пытливо всматривалась въ новую обстановку, изучала людей съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи умѣть пользоваться ихъ услугами; она много работала надъ собою, вырабатывая именно тѣ качества, которыя ей казались нужными, какъ будущей Императрицѣ, много читала подъ руководствомъ близкихъ къ ней лицъ, болѣе развитыхъ, чѣмъ была она въ то время; словомъ, подготовлялась такъ, какъ только была въ состояніи.

Стала Императрицей Екатерина II, имѣя уже 35 лѣтъ; внѣшности она была очень импозантной и необыкновенно умѣла привлекать къ себѣ людей и пользоваться ихъ содѣйствіемъ; дарованія она вообще имѣла блестящія, ума и образованія была обширнаго, хотя, можетъ быть, нѣсколько и поверхностнаго; если она не знала русской жизни, то, по крайней мѣрѣ, хотѣла знать ее, чего вовсе нельзя сказать о многихъ ея вельможахъ. Какъ лицо государственное, она отличалась необыкновеннымъ умѣніемъ оріентироваться въ данномъ положеніи, широтою и разносторонностью плановъ, непреклонною энергіей въ ихъ осуществленіи; сила воли у нея была безпредѣльная. Ее упрекали въ томъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ она всегда руководилась разсчетомъ, что принципы маккіавелизма ею были усвоены и примѣняемы въ совершенствѣ; пожалуй,—но вспомнимъ, въ какое время она жила и какихъ имѣла противниковъ въ лицѣ Фридриховъ В., Кауницовъ, Шуазелей и т. п., когда шла безпощадная конкурренція въ интригахъ! И во всякомъ случаѣ, дѣйствіями Екатерины II руководили не какія-либо династическія соображенія, а предполагаемая ею польза своего государства.

Гораздо болѣе важнымъ недостаткомъ въ Екатеринѣ II является, по моему мнѣнію, слишкомъ показной характеръ ея дѣятельности. Въ ея время не столько дѣйствительно заботились о благѣ государства, сколько желали заставить повѣрить этимъ

заботамъ другихъ, особенно западно-европейскихъ публицистовъ въ родѣ Вольтера, которые дѣлали репутаціи современникамъ; не столько думали о пользѣ какихъ-либо мѣръ, сколько о производимомъ ими эффектѣ. Когда отправляли за-границу корабль—это уже была новая эра; если заводили гдѣ-либо въ степи колонію,—Россія дѣлалась счастливою; если строили церковь,—разсчитывали, чтобы она была больше св. Петра въ Римѣ; нужно было подумать о воспитаніи, прямо назначали профессоровъ въ неучрежденный еще университетъ и т. д. Екатерина II сама признавалась, что она неравнодушна къ славѣ, что она любитъ быть „на людяхъ". Ни къ кому она не относилась такъ недоброжелательно, какъ къ тѣмъ лицамъ, которыя хотѣли умалить ея славу, указывая на недостатки въ русской жизни въ ея царствованіе. Должно было господствовать убѣжденіе, что, если такіе недостатки и существуютъ, то потому лишь, что правительство, занятое болѣе важными вопросами, еще не обратило на нихъ должнаго вниманія, а разъ это случится — и недостатка какъ не бывало! Страсть все дѣлать на показъ, умышленное закрыванье глазъ на тѣневыя стороны русской жизни — безъ сомнѣнія, составляютъ большой недостатокъ царствованія Екатерины II; но потомство, судя ее въ этомъ отношеніи, приметъ въ соображеніе и тѣ услуги, которыя она дѣйствительно оказала своей новой родинѣ.

На престолъ взошла Екатерина II съ довольно опредѣленными политическими воззрѣніями, которыя окончательно выработались при послѣдующихъ занятіяхъ, въ началѣ царствованія, политическими науками. Конечно, Императрица очень-бы желала примѣнить свои общія теоріи къ русской дѣйствительности; она видѣла въ этомъ отчасти и свой долгъ относительно государства, престолъ въ которомъ она заняла при исключительныхъ обстоятельствахъ. Своими реформами для блага народа она оправдала бы свое появленіе на престолѣ. Знакомство съ состояніемъ государства, и не только по отчетамъ администраторовъ, но и на основаніи личныхъ наблюденій (хотя-бы и поверхностныхъ), во время частыхъ поѣздокъ по Россіи, открыло ей такой хаосъ въ ея дѣятельности, объясняемый, конечно, всей исторіей государства со времени смерти Петра Великаго, что реформы казались ей необходимыми и помимо всякихъ теоретическихъ соображеній. Но въ своей реформирующей дѣятельности Екатерина II должна была считаться еще съ двумя чисто внѣшними условіями; Ея восшествіе на престолъ было протестомъ предшествующему царствованію, которое, въ свою очередь, пыталось внести въ русскую жизнь много новшествъ; очевидно, отъ Екатерины ждали кое въ чемъ и возвращенія къ старинѣ. Затѣмъ, Екатерина II обстоятельствами своего вступленія на престолъ была связана съ нѣкоторыми общественными элементами; она обязана была считаться съ этимъ, въ благодарность за помощь, работать въ извѣстномъ направленіи, хотя-бы результаты работы и противорѣчили ея убѣжденіямъ.

На практикѣ все это свелось вотъ на что: По своимъ политическимъ взглядамъ Екатерина II, воспитанная на сочиненіяхъ зап. евр. политическихъ писателей раціоналистовъ, сама была раціоналистка. Она находила, что должно существовать одно наилучшее государственное устройство, которому и слѣдуетъ быть введеннымъ во всякое государство, безъ исключенія. Какое именно устройство она считала наилучшимъ, мы видимъ изъ знаменитаго ея Наказа депутатамъ, собравшимся по ея призыву въ 1767 г. въ Москву для составленія проэкта новаго уложенія. Устройство это нельзя не назвать для своего времени довольно либеральнымъ. Наказъ говорилъ о такихъ законахъ, которымъ повиноваться люди считали бы за удовольствіе, о необходимости имѣть точно опредѣленные законы, о равенствѣ всѣхъ передъ законами, о свободѣ дѣлать все то, что не запрещено закономъ, о необходимости раздѣленія въ государствѣ властей: законодательной, исполнительной и судебной и о многихъ еще подобныхъ хорошихъ вещахъ, теперь, пожалуй, и банальныхъ, но въ то время имѣвшихъ интересъ новизны и для зап. европ. общества. Еще болѣе либераленъ былъ манифестъ, данный Екатериною 6 іюля 1762 г., т. е. черезъ нѣсколько дней по восшествіи ея на престолъ; почему этотъ не въ мѣру разговорчивый манифестъ потомъ и затушевывался. По письмамъ ея видно, что въ душѣ она считала себя республиканкою—пока, конечно, не уразумѣла, что формирующіяся въ концѣ XVIII в. республики не совсѣмъ соотвѣтствуютъ идеаламъ, изображеннымъ даже писателями въ родѣ Ж. Ж. Руссо. Тогда Екатерина испугалась не только республиканскихъ доктринъ, но и того либерализма, въ который сперва вѣрила; она затрудняла распространеніе своего же собственнаго Наказа и преслѣдовала лицъ, имѣвшихъ дерзость пропагандировать, уже несвоевременно, заключающіеся въ Наказѣ принципы.

Просвѣщенный абсолютизмъ, приверженцемъ котораго была Екатерина II, по существу дѣла подразумѣвалъ централистическое и даже бюрократическое устройство государства, тѣмъ болѣе, что въ XVIII в. болѣе вѣрили въ силу общихъ идей, чѣмъ въ прочность формъ, созданныхъ историческою жизнью. Не сомнѣвались, что при руководствѣ правительства посредствомъ бюрократическихъ органовъ можно какъ угодно реформировать государственный и общественный строй. Могутъ, конечно, при этомъ возникать недоразумѣнія; но для общаго блага они должны быть прекращаемы, хотя бы и насильственнымъ образомъ. А, главное, устройство всего государства должно быть логично — однообразно; вѣдь идеальный строй можетъ быть только одинъ, ибо истина въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ быть только одна.

Но, какъ я говорилъ выше, Императрица не имѣла возможности осуществлять на практикѣ такія либеральныя прямолинейныя доктрины, ибо должна была считаться съ двумя существенными обстоятельствами: Она вступила на престолъ въ реакцію Петру III,—отсюда необходимость придерживаться національнаго

направленія, считаться съ тѣмъ укладомъ жизни, который, каково-бы ни было его происхожденіе, сталъ уже у насъ своимъ. Еще важнѣе было то обстоятельство, что вступленіе на престолъ Екатерины II было дѣломъ гвардіи, т. е. того дворянскаго войска, которое въ теченіи всего XVIII в. вліяло путемъ переворотовъ на наши правительственныя сферы. Екатерина II не только изъ благодарности, но изъ разсчета должна была придавать преимущественное значеніе дворянскимъ интересамъ въ государствѣ. Совмѣстить всѣ три указанныя направленія было невозможно. Въ то время какъ раціоналистическія доктрины рекомендовали республиканское устройство, вся предшествующая практика русской жизни рекомендовала абсолютную монархію; идеальное равенство гражданъ не могло гармонировать съ преобладающимъ значеніемъ дворянства, опирающимся на порабощеніи рабочаго класса; нельзя же было въ самомъ дѣлѣ либерально упрочивать крѣпостное право. Поэтому въ началѣ царствованія Екатерины II мы видимъ путаницу идей и фактовъ: одновременно изыскивались средства къ улучшенію быта крестьянъ, подавались записки со стороны высокопоставленныхъ либераловъ, требовавшія въ интересахъ государства такого улучшенія,—и шибко шло дальнѣйшее закрѣпощеніе крестьянъ. Когда собравшіеся для составленія проекта новаго уложенія депутаты выслушали либеральныя мысли о равенствѣ людей, представители купечества художественно показали, какъ хорошо поняли они эти идеи, потребовавъ себѣ права носить мундиры со шпагами и владѣть крестьянами подобно дворянамъ. Да и самое правительство въ эти же дни издало указъ, которымъ крестьяне за жалобу на помѣщика ссылались въ Сибирь въ каторжную работу.

Позднѣе правительство выбралось изъ противорѣчій: оно сохранило національное, какъ ему казалось, направленіе во внѣшней политикѣ, передало внутреннее управленіе въ руки дворянства, а раціоналистическія идеи остались для духовной жизни культурнаго класса, напр., онѣ нашли себѣ выраженіе въ литературѣ, даже въ религіозныхъ представленіяхъ образованныхъ людей; единственное практическое приложеніе имѣли онѣ относительно воспитанія, подготовляя послѣдующее поколѣніе къ большему согласію въ жизни между словомъ и дѣломъ.

Изъ сказаннаго ясно, въ какія отношенія должно было стать правительство при Екатеринѣ II къ южной Руси. Существовавшая здѣсь тѣнь политическихъ правъ, какъ противорѣчащая идеѣ самодержавія, должна быть уничтожена; мѣстныя учрежденія тоже должны быть принесены въ жертву принципамъ централизаціи и единообразія и замѣнены другими, болѣе подходящими; самый сепаратный строй жизни долженъ былъ уступить мѣсто общерусскому, хотя-бы это въ иныхъ случаяхъ было и совершенно не въ интересахъ русскаго народа и даже самаго государства. За то въ южной Руси долженъ былъ сложиться въ качествѣ руководящаго областнаго элемента культурный дворянскій слой, а для его укрѣ-

пленія и развитія должно было окончательно сформироваться крѣпостное право.

Что-же касается южнорусскихъ земель, принадлежавшихъ Рѣчи Посполитой, то національная политика требовала присоединенія ихъ къ Россіи, при чемъ и здѣсь должны были утвердиться общерусскіе порядки съ подъемомъ дворянства, каково-бы оно ни было по національности, и тоже съ расширеніемъ крѣпостнаго права.

Программа эта почти была исполнена въ точности; совершилось-же это слѣдующимъ образомъ:

Въ первое время по восшествіи на престолъ И. Екатерины II ей было не до южной Россіи. Нужно было ликвидировать внѣшнія дѣла, въ которыя брошена была Россія въ предшествующее царствованіе, нужно было познакомиться съ положеніемъ государства и, найдя его довольно безотраднымъ, подумать о способахъ его улучшенія, наконецъ, нужно было познакомиться и еще со многими произведеніями зап. евр. политической литературы, чтобы выработать себѣ планъ предстоящихъ реформъ. Къ тому-же гетманъ гр. Разумовскій былъ личнымъ другомъ Императрицы, онъ ухаживалъ за ней въ то время, когда она еще была В. Княгиней и отъ нея сторонились придворные, чтобы не разсердить И. Елисаветы, не любившей своей племянницы. Гетманъ изъ-за личныхъ неудовольствій съ Петромъ III, одинъ изъ первыхъ присталъ къ заговору въ пользу Екатерины и игралъ очень важную, можно даже сказать — первенствующую роль въ немъ, ибо пользовался большимъ вліяніемъ въ гвардіи и имѣлъ необходимыя для успѣха заговора матеріальныя средства. Такія услуги не забываются, и Малороссія получила отъ Императрицы жалованную грамоту, которою подтверждались права ея, а запорожцы получили войсковые клейноды.

Но такъ какъ время было преобразовательное, то приходилось приняться за реформы и гетману, не безъ сожалѣнія покинувшему веселый тогда Петербургъ, гдѣ онъ не совсѣмъ и ладилъ съ новыми временщиками Орловыми, и переселившемуся въ Глуховъ. Не находимъ нужнымъ останавливаться детально на предпринятыхъ Разумовскимъ реформахъ, имѣвшихъ главною цѣлью раздѣлить военное и гражданское управленіе въ Малороссіи, такъ какъ онѣ не имѣли связи съ позднѣйшими екатерининскими порядками, а скорѣе были возвращеніемъ къ польскимъ, уничтожившимся при Хмѣльницкомъ. Укажемъ развѣ на ходатайство старшины объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими. Продолжалъ Разумовскій и раздачу крестьянъ въ Малороссіи, не забывая и себя, и даже запретилъ, будто-бы прекращеніе бродяжничества, крестьянскіе переходы безъ согласія помѣщиковъ, которые такое согласіе, конечно, давали весьма рѣдко. Но ни гетманъ, ни малорусскіе аристократы и не воображали, что пѣсня ихъ спѣта и политическимъ правамъ Малороссіи наступаетъ конецъ.

Что отмѣна привиллегированнаго положенія Малороссіи не была результатомъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ ней въ то время,

это несомнѣнно, такъ какъ при Екатеринѣ II отмѣнены были привиллегіи всѣхъ зависимыхъ въ Россіи земель, почему событія, выставляемыя обыкновенно за причину такой отмѣны въ Малороссіи, въ сущности были ея поводомъ; самая-же отмѣна вытекала непосредственно изъ политическихъ взглядовъ Императрицы, о которыхъ уже было говорено. Доказательство на то имѣемъ и въ предложеніи ея, находящемся въ собственноручномъ секретномъ наставленіи, данномъ ею въ 1764 г., раньше отмѣны гетманства, главному помощнику ея по внутреннимъ дѣламъ генералъ-прокурору кн. Вяземскому; здѣсь между прочимъ сказано:

„Малая Россія (и другія сепаратныя области) суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привиллегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было; однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ-же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупостью. Сіи провинціи надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали-бы глядѣть какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ. Когда-же Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобы вѣсъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бъ персона какая была произведена въ оное достоинство".

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь цѣлую программу, реализація которой и началась именно съ гетманщины, на что отчасти повліяли и отзывы о безпорядочности здѣшняго управленія, высказанные Императрицѣ лицами, знакомыми съ Малороссіей; отзывы, впрочемъ, очень злобные и тенденціозные, ибо такіе-же точно можно было дать и обо всякой иной русской области; отчасти-же поводъ къ отмѣнѣ гетманскаго управленія очень кстати подалъ самъ гетманъ.

Гордый своими дѣйствительными или воображаемыми заслугами, графъ Разумовскій, какъ настоящій Монмаранси, подумывалъ и о роли своихъ наслѣдниковъ. Повидимому, его правая рука во всѣхъ дѣлахъ, а въ сущности его и предатель Тепловъ, не безъ посторонней инціативы, внушилъ самоувѣренному гетману блестящую мысль упрочить жребій своихъ потомковъ созданіемъ династіи гр. Разумовскихъ — гетмановъ малороссійскихъ. Ничего не имѣли противъ такого плана и важнѣйшіе малорусскіе аристократы, которымъ на-руку были соломенные правители въ родѣ Разумовскаго, и вотъ въ Глуховѣ, въ концѣ 1763 г., въ собраніи аристократовъ выработана была пропозиція о возстановленіи правъ Малороссіи, потерпѣвшихъ значительный ущербъ со времени соединенія съ Россіей въ 1654 г. при Хмѣльницкомъ, и о наслѣдственномъ гетманствѣ,—на основаніи которой отправлена была челобитная о томъ къ Императрицѣ. Результаты этого движенія оказались не совсѣмъ ожиданными: гетману пришлось просить объ увольненіи, гетманское достоинство было отмѣнено, а

управленіе, съ цѣлью, по выраженію манифеста, „возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья,“ снова передано было малороссійской коллегіи съ преобладаніемъ здѣсь великороссовъ и подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, который вскорѣ фактически замѣнилъ собою коллегію; впрочемъ, наличныя права Малороссіи были при отмѣнѣ гетманства подтверждены. Отставному гетману,—такимъ образомъ, послѣднему гетману Малороссіи,—не пришлось пострадать лично; за утрату власти онъ вознагражденъ былъ всяческими почестями и наградами; но для насъ дальнѣйшая судьба его уже лишена всякаго значенія.

Итакъ Лѣвобережная Малороссія превратилась въ малороссійскую губернію, подобно Кіевской; тогда-же изъ южно-русскихъ земель съ цѣлью улучшенія здѣшняго управленія образованы были еще двѣ губерніи: Слободско-украинская, скоро переименованная въ Харьковскую, — изъ слободскихъ полковъ, и Новороссійская изъ Новой Сербіи, съ назначеніемъ чиновниковъ изъ великоросовъ; но первое преобразованіе лишено было политическаго значенія, ибо никакихъ политическихъ правъ у слободскихъ полковъ къ этому времени уже не оставалось—это чисто административное измѣненіе; а вторая перемѣна сверхъ того тогда еще почти не касалась малорусскаго населенія.

Отмѣна политическихъ правъ Малороссіи не вызвала въ ней столь серьезнаго неудовольствія, чтобы оно выразилось въ какихъ либо анти-правительственныхъ дѣйствіяхъ; но неудовольствіе все же было; оно сказалось, между прочимъ, и въ томъ настроеніи, съ которымъ отнеслось населеніе къ знаменитой коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія, собранной какъ разъ вскорѣ послѣ отмѣны гетманства. Многіе малороссы, и притомъ всѣхъ призванныхъ сословій, или совсѣмъ не хотѣли принять участія во всемъ этомъ дѣлѣ, т. е. въ выборахъ депутатовъ, въ составленіи имъ наказовъ и пр., считая это дѣломъ лишь великорусскимъ, а принявшіе участіе обнаружили желаніе вернуться къ малороссійскимъ стариннымъ учрежденіямъ; такія-же тенденціи проявили и выбранные и засѣдавшіе въ коммиссіи малорусскіе депутаты. Впрочемъ, въ тоже время, какъ-бы считаясь съ совершившимся фактомъ сліянія Великой и Малой Россіи, малороссы не прочь были хлопотать о полученіи малорусскими сословіями соотвѣтственныхъ великорусскихъ правъ и преимуществъ; и шляхетское сословіе очень энергично защищало свои крѣпостническія притязанія. Такъ какъ коммиссія не привела ни къ какимъ результатамъ, относящимся къ интересующему насъ вопросу, то мы и не остановимся на ея дѣятельности, и скажемъ лишь, что появившіяся въ ней вообще сепаратистическія тенденціи встрѣтили энергическое противодѣйствіе и со стороны правительства и со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ изъ великороссовъ, стоявшихъ за общій строй для всего государства.

Извѣстная доля неудовольствія высказалась и въ Слободской Украйнѣ на ея окончательное поглощеніе Великороссіей; но оно

не вышло изъ ряда толковъ, не имѣвшихъ серьезной важности.

Доставлять Малороссіи „счастье" было предназначено первому ея генералъ-губернатору знаменитому гр. Румянцеву, которому вскорѣ было подчинено и Запорожье. Оставался генералъ-губернаторомъ Малороссіи Румянцевъ все время царствованія Екатерины II, хотя лично онъ былъ человѣкомъ ей несимпатичнымъ, вслѣдствіе поведенія своего при ея восшествіи на престолъ, —значитъ Императрица довольна была его дѣятельностью. И точно: по идеямъ онъ былъ большой государственникъ и только и думалъ о томъ, какъ-бы ввести въ Малороссіи великорусскіе порядки, поднявъ въ ней аристократическій элементъ, такъ какъ и самъ былъ аристократъ съ рабовладѣльческими тенденціями; по характеру-же это былъ энергичный деспотъ; почему онъ и не стѣснялся ломать старое малорусское устройство въ интересахъ государственности, особенно когда на этомъ настаивала сама Императрица.

Немедленно по пріѣздѣ въ Глуховъ, Румянцевъ распорядился составленіемъ подробной описи земель Малороссіи, списковъ козаковъ, чиновниковъ и всего населенія. Опись эта, которой части нынѣ опубликованы, дѣйствительно даетъ полную картину тогдашней Малороссіи и ея порядковъ, или, точнѣе выразиться, безпорядковъ. Познакомившись, благодаря описи, равно и посредствомъ другихъ способовъ, съ состояніемъ Малороссіи, Румянцевъ сталъ проводить тѣ мѣры, которыми достигалось сліяніе ея съ Великороссіей. Такъ, хотя и разновременно, отобраны были монастырскія имущества и сокращено было число монастырей; причемъ закрытыми оказались и такіе, какъ Межигорскій, нѣкогда имѣвшій важное историческое значеніе; малорусскіе чины уравнены были съ великорусскими и на дворянъ было распространено дѣйствіе жалованной грамоты; крестьянскій же переходъ запрещенъ совершенно, чѣмъ окончательно было утверждено въ Малороссіи крѣпостное право; распространено было на Малороссію дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ, что совершенно измѣнило ея устройство; войска ея были преобразованы по великорусскому образцу и слиты съ великорусскими войсками. Такимъ образомъ, къ концу своего царствованія И. Екатерина могла сознавать, что сліяніе гетманщины, а тѣмъ болѣе Слободской Украины, съ Великороссіей произошло полностью, и именно такъ, какъ она этого желала. Это сліяніе было настолько сильно, что вскорѣ мы видимъ малорусскихъ дѣльцовъ: Безбородокъ, Завадовскихъ, Трощинскихъ, Тамаръ, Кочубеевъ и т. д. въ первыхъ рядахъ нашей бюрократіи; точно также сліяніе это оказалось и въ литературѣ, когда уроженцы Малороссіи, какъ напр. Богдановичъ, или Капнистъ, стали писать общерусскимъ литературнымъ языкомъ, внеся въ русскую литературу свой малорусскій юмористическій реализмъ. Нравы культурнаго великорусскаго дворянства распространились и среди малорусскаго шляхетства, которое, тоже окончательно

оторвавшись отъ своего народа, зажило особою дворянскою жизнью, съ спеціальными дворянскими заботами, дворянскимъ воспитаніемъ, дворянскою честью. Отсутствіе реальныхъ цѣлей въ общественной жизни и здѣсь замѣнилось преслѣдованіемъ фиктивныхъ цѣлей; создавались фиктивныя формы общежитія, все же кое какъ наполнявшія тотъ досугъ, который былъ возможенъ для дворянина, вслѣдствіе того, что его существованіе было обезпечено крѣпостнымъ правомъ. Съ цѣлью того-же пополненія досуга дворянство искало изысканныхъ наслажденій, напр. изящными искусствами; оно украшало свой умъ чтеніемъ лучшихъ литературныхъ произведеній зап. Европы, даже увлекалось ими, пламенѣло съ легко руки запад. европейскихъ сентименталистовъ возвышенными чувствами, платоническою любовью къ человѣку вообще и „къ этому доброму, неиспорченному простому народу“ и, въ тоже время, имѣло представленія о нравственности, о человѣческой личности, возможныя только при существованіи крѣпостнаго права. Словомъ, можно сказать, что наше дворянство находилось тогда вполнѣ въ состояніи цивилизованнаго варварства.

Въ то самое время, когда рѣшался вопросъ о политическомъ существованіи Малороссіи, Екатеринѣ II представлялась возможность возвратить Россіи южно-русскія земли, принадлежавшія Рѣчи Посполитой. Хотя Екатерина II присоединила эти земли не тогда, а значительно позднѣе,—но такъ какъ я имѣю въ виду не исторію Екатерины II, а исторію южной Руси въ ея время, то я и перехожу къ исторіи этихъ земель, что заставляетъ меня обратиться ко внѣшней политикѣ Россіи въ началѣ царствованія Импер. Екатерины II.

Когда Екатеринѣ II нужно было въ началѣ царствованія устанавливать свои дипломатическія отношенія, ея политикѣ, соотвѣтственно нуждамъ Россіи, представлялись слѣдующія задачи. Пріобрѣтеніе тѣхъ южно-русскихъ степей, которыя отдѣляли Россію отъ Чернаго моря. Къ рѣшенію этой задачи приводили Россію и необходимость имѣть на югѣ естественныя границы, и еще большая необходимость гарантировать государство отъ набѣговъ татаръ, и, наконецъ, чрезвычайная важность плодороднаго юга для Россіи въ экономическомъ отношеніи. Что пріобрѣтеніе Новороссіи есть дѣло для Россіи первостепенной важности, это понимали и предшествующія правительства: южными дѣлами до самой смерти занятъ былъ Петръ В.; изъ за этого юга мы и послѣ него вели войны съ Турціей и часть степей отъ нея отобрали. Надо было покончить съ этимъ дѣломъ.

Не менѣе важною и столь-же традиціонною представлялась и другая задача: присоединеніе южно-русскихъ земель, принадлежавшихъ Рѣчи Посполитой. Это имѣлось въ виду еще Московскими царями, имѣлось въ виду и Петромъ В.; но, хотя присоединеніе юго-западной Руси было даже въ интересахъ ея главнаго населенія, а слабость Польши дѣлала рѣшеніе этой задачи очень легкою (наши генералы все равно уже хозяйничали въ Польшѣ),

правительство послѣ Петра В. потеряло изъ виду дѣла юго-западной Руси; даже благочестивая И. Елисавета не обращала вниманія на жалобы диссидентовъ. Объясняется это тѣмъ, что внѣшняя политика Россіи въ это время была слишкомъ инертна. Нужно было вести активную политику, на которую мы не были способны, тогда какъ въ южной Руси мы лишь давали отпоры инородческимъ притязаніямъ, да дѣлали прикрытіе самостоятельной народной колонизаціи.

Была еще и третья задача для внѣшней дѣятельности Россіи въ З. Европѣ, изъ-за которой и московскіе цари и Петръ В. не разъ выпускали изъ рукъ русскія дѣла—это пріобрѣтеніе и обезпеченіе для Россіи Балтійскаго побережья, важнаго въ культурномъ и экономическомъ отношеніи. Не имѣю цѣли говорить о дѣйствительномъ значеніи этого пріобрѣтенія, такъ какъ при Екатеринѣ II вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ, и принимать какія-либо мѣры противъ слабаго шведскаго государства казалось не нужнымъ; тѣмъ легче было рѣшить двѣ первыя задачи.

За которую изъ нихъ возьмется Императрица? Важны были онѣ обѣ, но рѣшать ихъ одновременно было-бы не легко. Западно-европейскій характеръ политики Екатерины II сразу опредѣлилъ, что на чеку должны стоять польскія дѣла: въ зап. Европѣ имъ придавали гораздо болѣе важности, чѣмъ турецкимъ.

Что состояніе польскаго государства въ половинѣ XVIII в. было таково, что могло внушить сосѣдямъ мысль о покореніи или раздѣлѣ его—это несомнѣнно. Фактическому раздѣлу Польши предшествовалъ рядъ плановъ ея уничтоженія, а поляки сами сознавали опасность еще лѣтъ за 100 до него. У правительства еще не хватало смѣлости на столь рѣшительный шагъ, какъ присоединеніе всей Польши, безъ дѣлежа съ нѣмецкими государствами; затѣмъ добровольное соединеніе Польши съ Россіей создавало страшныя затрудненія по вопросамъ внутренней политики, ибо, хотя Польша и желала быть подъ монархическимъ управленіемъ, но не такимъ, какое тогда было въ Россіи. Въ виду всего этого, русское правительство предпочло руководиться болѣе близкими интересами и потому намѣревалось просто отдѣлить въ пользу Россіи кусокъ польскаго государства, давъ за это другой Пруссіи, а если безъ этого нельзя, то третій еще и Австріи—по сосѣдски.

Этотъ планъ былъ и выполненъ. Поводъ нашелся въ религіозныхъ дѣлахъ. Уже давно православные диссиденты въ Польшѣ умоляли русское правительство о защитѣ ихъ правъ. По настояніямъ Россіи и Пруссіи всѣмъ диссидентамъ даны были права соотвѣтственно ихъ сословному положенію, отчего православные оказались, кстати сказать, неособенно въ выигрышѣ, такъ какъ шляхтичей было между ними немного. Это измѣненіе въ строѣ Польши и хозяйничанье въ ней, иногда слишкомъ суровое, русскихъ пословъ и главнокомандующихъ, вызвали патріотическое движеніе противъ Россіи въ видѣ такъ называемой барской конфедераціи, побѣдивъ которую, Россія имѣла основательный поводъ для

перваго раздѣла Польши. Намъ нѣтъ цѣли подробнѣе говорить обо всей этой исторіи, которою еще не задѣвались южнорусскія земли; намъ важно то, что вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой послужило стимуломъ для движенія южнорусскаго населенія въ сторону слiянія съ Россіей. Это движеніе, принадлежа къ циклу вообще гайдамацкихъ движеній, имѣетъ особое названіе—коліивщины, или гуполивщины.

Причиною его было всегдашнее стремленіе Правобережной Малороссіи слиться съ Лѣвобережною, особенно поддерживаемое наиболѣе образованнымъ мѣстнымъ русскимъ элементомъ—духовенствомъ, которое не разъ уже хотѣло силою заставить Россію вмѣшаться въ дѣла зап. Руси и присоединить къ Россіи здѣшнее русское православное населеніе. Вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой, и именно въ сѣверныя окраины южнорусскихъ земель, гдѣ свила себѣ гнѣздо барская конфедерація, такъ и было истолковано, что Россія, наконецъ, рѣшается взять этотъ край. Духовенство пустило въ ходъ золотыя грамоты отъ имени Екатерины II, со всякими соотвѣтствующими случаю обѣщаніями льготъ, если даже не благословляло „засапожники", выпуская Зализняка на гибель иновѣрцамъ. Польскія-же дрязги въ семьѣ Любомирскихъ стали поводомъ къ безпорядкамъ въ Смѣлянщинѣ, откуда они въ единственно знакомой тогда народу формѣ гайдамачины распространились на всю Кіевскую землю, особенно, когда измѣною полуполяка Гонты взятъ былъ мѣстный оплотъ панства— г. Умань. Тогда происходили ужасныя сцены, въ которыхъ не безъ успѣха конкуррировали Гонта и Зализнякъ, принявшіе титулы воеводъ Брацлавскаго и Кіевскаго, съ одной стороны, и польскій мѣстный региментарь „страшенный" по своему звѣрству Іосифъ Стемпковскій—съ другой.

Подавить это возстаніе конфедераты были не въ состояніи; но не въ состояніи оказалось справиться съ нимъ и законное польское правительство, которое и прибѣгло къ помощи Россіи. И вотъ Россія явила міру изумительный примѣръ, какъ русскіе штыки лили кровь тѣхъ людей, которые только и мечтали о томъ, чтобы стать дѣйствительно русскими и перейти подъ власть Россіи! Этотъ противоестественный поступокъ объясняется союзомъ И. Екатерины съ законнымъ польскимъ правительствомъ, противъ котораго бунтовали русскіе крестьяне, и въ тоже время опасеніемъ, съ которымъ Екатерина вообще относилась къ народнымъ движеніямъ. Гайдамачина разсматривалась съ той-же точки зрѣнія, какъ и Разиновщина, или Пугачевщина. Польскіе магнаты все-же принадлежали къ благородному сословію, и опаснымъ казалось выдать ихъ народу, хотя-бы и русскому. Разумѣется, дисциплинированнымъ войскамъ нашимъ никакого труда не стоило подавить возстаніе безформенныхъ народныхъ массъ. Главари возстанія или, какъ Гонта, переданы были въ руки польскихъ властей, конечно, не пощадившихъ ихъ, или, какъ Зализнякъ, сосланы были въ Сибирь.

Народная надежда не оправдалась, а Россія потеряла легкій случай присоединить югозападную Русь.

Возможно, что отказываясь отъ нея въ это время, Екатерина имѣла въ виду общее рѣшеніе польскаго вопроса, ожидавшееся въ скоромъ времени; но не тутъ-то было. Иностранная дипломатія, какъ это бывало и раньше, на защиту Польши вооружила противъ насъ Турцію; найти поводъ для войны, хотя-бы и самый нелѣпый, было не трудно—годились всякія пограничныя дрязги—и вспыхнула первая турецкая война, которая и развернулась на новороссійскомъ югѣ.

Занятые борьбою съ польскими конфедератами, мы не сразу могли направить противъ турокъ достаточныя силы, и старались только не допустить соединенія турецкихъ и конфедераціонныхъ войскъ; мы испытали нѣсколько мелкихъ неудачъ и даже страшный набѣгъ крымскаго хана, знаменитаго Крымъ-Гирея, на Новороссію, правда, и послѣдній въ русской исторіи; но затѣмъ мы развернули вполнѣ достаточныя силы и цѣлымъ рядомъ успѣховъ привели Турцію къ ходатайству о мирѣ, причемъ дипломатическое вмѣшательство Австріи и отчасти безпорядки внутри государства (Пугачевщина) въ значительной степени испортили намъ результаты военныхъ дѣлъ. Я не останавливаюсь даже на важнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, ибо это заняло-бы не мало времени, и укажу лишь, что въ этой войнѣ въ русскихъ войскахъ не безъ чести и славы служили запорожцы, а затѣмъ, что среди мѣръ, предпринятыхъ Екатериною для ослабленія Турціи, была и агитація среди грековъ и славянъ Балканскаго полуострова.

Кучукъ-кайнарджійскій миръ, при всей его популярности, доставилъ Россіи не особенно много реальныхъ выгодъ—2—3 приморскихъ крѣпости. Онъ скорѣе открывалъ блестящія перспективы, въ видѣ присоединенія Крыма и другихъ татарскихъ ордъ въ Новороссіи, которыя тогда объявлены были независимыми, и право вмѣшательства въ дѣла Турціи, что готовило ей гибель. Но все это лишь въ будущемъ, надо было еще надъ этимъ сильно поработать, тогда какъ изолированье турецкихъ отъ польскихъ дѣлъ и обращеніе вниманія только на первыя, безъ сомнѣнія, сдѣлало-бы возможнымъ пріобрѣтеніе не только Крыма и Новороссіи, но даже румынскихъ господарствъ, которыми наши войска тогда уже владѣли.

Польскія дѣла разрѣшились, и тоже временно, въ одно время съ турецкими, первымъ раздѣломъ Польши, по которому на долю Россіи достались бѣлорусскія земли, что въ данное время для насъ не интересно: но худо было то, что одно изъ важнѣйшихъ южно-русскихъ земель—Голиція ни за что, ни про что уступлена была Австріи, даже не помогавшей намъ въ войнѣ съ конфедератами, и съ того времени оказалось и донынѣ потерянною для Россіи.

Послѣ Кучукъ-кайнарджійскаго міра въ жизни Россіи относительно военныхъ предпріятій наступилъ значительный антрактъ;

дипломатія же продолжала свою вѣчную работу, но о значеніи ея для южной Руси рѣчь впереди. Этимъ мирнымъ промежуткомъ Екатерина II, воспользовалось для нѣкоторыхъ преобразованій въ устройствѣ государства, не столько уже въ духѣ раціонализма, сколько согласно съ ходомъ предшествующей исторической жизни и интересами господствующаго сословія; поэтому и всѣ преобразованія въ лѣвобережной Малороссіи, имѣвшія цѣлью распространить на нее русскіе порядки, какъ-то: запрещеніе крестьянскихъ переходовъ, нобилитація шляхты, губернское и уѣздное устройство, падаютъ тоже на этотъ промежутокъ. Тогда же покончено было существованіе и послѣдней сколько нибудь самостоятельной части Малороссіи—Запорожья.

Мы говорили выше о разложеніи запорожскаго строя и тѣхъ непорядкахъ, какіе въ Запорожьѣ существовали; тѣмъ не менѣе правительство еще не трогало Запорожья, полагая возможнымъ пользоваться его услугами въ случаѣ турецко-татарской войны, что дѣйствительно и было; но, съ одной стороны, участіе, хотя и вполнѣ добросовѣстное, запорожцевъ въ первой турецкой войнѣ оказалось не особенно существеннымъ для правительства; съ другой обнаружившаяся уже слабость Турціи упраздняла даже и то значеніе, которое могли-бы имѣть запорожцы. Правительство могло развернуть въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ имъ въ это время устроены были новыя линіи крѣпостей, силы, болѣе значительныя чѣмъ запорожскія, и въ тоже время нуждалось въ тѣхъ Новороссійскихъ степяхъ, которыя запорожцы отстаивали, именно въ это время, съ такою энергіею и съ оскорбительными для правительства того времени ссылками на грамоты Богдана Хмѣльницкаго.

При такихъ условіяхъ вопросъ объ уничтоженіи Запорожья былъ дѣломъ самого непродолжительнаго времени послѣ первой турецкой войны. Къ лѣту 1774 г. Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ Потемкинъ для лучшей организаціи ввѣреннаго ему края; 10 іюля того-же года заключенъ былъ миръ съ Турціей и менѣе чѣмъ черезъ годъ, 5 іюня 1775 г., уничтожена была запорожская сѣчь.

Мнѣніе объ участіи Потемкина въ „скасованьи“ Запорожья опирается на представленіи о его значеніи вообще въ это время и о его завѣдываніи дѣлами Новороссіи; поэтому ему и ставятъ въ упрекъ лицемѣрное отношеніе къ Запорожью, за которымъ онъ нѣкогда ухаживалъ и въ составъ котораго даже входилъ въ качествѣ почетнаго братчика Грыцька Нечосы; но, не отвергая совершенно участія Потемкина въ этомъ дѣлѣ (не только безъ его вѣдѣнія, но даже безъ его согласія оно едва-ли могло бы совершиться), я думаю, что Потемкинъ въ этомъ случаѣ былъ даже не исполнителемъ велѣнія Императрицы, а лишь передаточною инстанціею ея распоряженія. Какъ генералъ-губернаторъ Новороссіи, онъ еще въ ней тогда и не бывалъ, казаковъ онъ очень любилъ, сохраняя и впослѣдствіи съ ними пріятельскія отноше-

нія, постоянно заботясь о нихъ и оказывая и вообще казачеству, и отдѣльнымъ казакамъ не мало услугъ. Неужели же главари Запорожья были столь наивны, или индиферентны, что такъ скоро забыли коварство Потемкина? Очевидно, оно здѣсь не причемъ: Запорожье пало вслѣдствіе тѣхъ общихъ причинъ, которыя мною указаны были выше, судьба его была давно предрѣшена въ умѣ Императрицы, и не Потемкину было, разумѣется, стать ей на пути въ осуществленіи этого плана. Самый же срокъ уничтоженія Запорожья обусловленъ былъ еще и тѣмъ, что въ это время, послѣ подавленія Пугачевскаго бунта, правительство вообще приступило къ упорядоченію казацкихъ дѣлъ на югѣ, и почти передъ уничтоженіемъ Запорожья Донское казачье войско вошло въ составъ Азовской губерніи, а другіе казаки переселены были въ Предкавказье.

„Руйнованіе“ Сѣчи произошло не безъ драматизма. Когда русскія войска окружили Сѣчь и предложили казакамъ разойтись, послѣдняя запорожская рада была очень бурная; было много голосовъ за вооруженное сопротивленіе: но болѣе спокойные казаки, съ кошевымъ атаманомъ и духовенствомъ во главѣ, успокоили остальныхъ казаковъ, которые и покорились необходимости; лишь нѣсколько тысячъ запорожцевъ, обманувъ начальство, зашумѣли веслами, частью до Хаджибея, частью за Дунай, въ Турецкія владѣнія, утѣшая себя тѣмъ антиисторическимъ домысломъ, что „добре буде запорожцям и під турком житы“, и тамъ основали новую запорожскую Сѣчь, судьба которой интереса для насъ теперь не имѣетъ.

Не совсѣмъ понятна судьба послѣдняго кошеваго, Калнышевскаго, особенно если сравнить ее съ судьбою послѣдняго гетмана. Никакихъ противугосударственныхъ плановъ Калнышъ, повидимому, не строилъ, сопротивленія не оказывалъ, даже содѣйствовалъ мирной развязкѣ дѣла и окончилъ жизнь послѣ долговременнаго заключенія въ казаматѣ Соловецкаго монастыря. Неужели только потому, что онъ не былъ знатнымъ лицомъ въ петербургскомъ смыслѣ этого слова и не имѣлъ сильныхъ связей? Отвѣтить на этотъ вопросъ я не умѣю.

Запорожцамъ, оставшимся на Руси, предложено было или превратиться въ мирныхъ обывателей Новороссіи, чѣмъ многіе и воспользовались, и потомки ихъ и нынѣ есть среди населенія нашего края, или поступить на правительственную службу, на что тоже многіе оказались согласными; капиталы Запорожья, впрочемъ небольшіе, предназначены были на предположенный къ открытію въ Новороссіи университетъ. Но что было важнѣе всего,—запорожскія земли пущены были въ экономическій оборотъ, причемъ, однако, большинство таковыхъ было роздано высокопоставленнымъ и вообще служащимъ лицамъ, что было началомъ возникновенія въ Новороссійскомъ краѣ класса помѣщиковъ, преимущественно дворянъ, ибо таковые наполняли собою верхи служилой сферы. Между прочимъ и мѣсто самой Сѣчи перешло къ помѣщикамъ, посе-

лившимъ здѣсь иностранныхъ колонистовъ; и тамъ, откуда нѣкогда вылетали славные рыцари на грозу магометанскому Востоку, теперь, по извѣстному выраженію Шевченка: „мудрый німець картопельку садить“. Что дѣлать! Исторія имѣетъ свои права и трезвою практичностью постоянно охлаждаетъ хмѣль романтизма. Во всякомъ случаѣ паденіемъ Запорожья уничтожалась и послѣдняя часть южной Руси, имѣвшая политическія права.

Послѣ руйнованья Запорожья Новороссійскій край окончательно примкнулъ къ Россіи, тѣмъ болѣе, что здѣсь введены были и общерусскіе порядки. Дальнѣйшая организація края дѣйствительно составляетъ главную заслугу геніальнаго администратора, хотя и геніальнаго же чудодѣя—Потемкина. При бѣгломъ изложеніи исторіи ю. Руси я не имѣю возможности останавливаться ни на личности его, ни на обзорѣ его дѣятельности. Мнѣ достаточно указать на главныя черты дѣятельности Потемкина въ Новороссійскомъ краѣ—его заботы о колонизаціи, отличающіяся необычайною шириною и разнообразіемъ, и на постройку городовъ, между которыми главное мѣсто сперва принадлежало Херсону, гдѣ и создался нашъ черноморскій флотъ. Лишь позднѣе личныя симпатіи Потемкина и, можетъ быть, нѣсколько лучшее географическое положеніе стали причиною возвышенія г. Николаева.

Къ сожалѣнію, заселенію Новороссійскаго края, въ значительной степени мѣшало крѣпостное право, непозволявшее народной мобилизаціи проявиться въ ея обычномъ для русскаго народа размѣрѣ. Свободнаго заселенія русскимъ народомъ Новороссіи не могли замѣнить ни рекрутскіе наборы для колонизаціи, ни смотрѣніе сквозь пальцы на бѣглыхъ и преступниковъ и т. п. мѣры, даже возможность крестьянскихъ переходовъ. И край, несмотря на свое названіе, при господствующемъ южнорусскомъ населеніи, въ сущности надолго попалъ въ руки иностранцевъ, особенно въ торгово-промышленномъ отношеніи.

Стремясь организовать Новороссійскій край, населить его, укрѣпить, создать здѣсь флотъ, Потемкинъ, помимо общаго служенія дѣлу государства, имѣлъ и спеціальный планъ. Подготовлялась новая война съ турками, и въ силу удачно сложившихся обстоятельствъ можно было надѣяться, что она будетъ и послѣднею, такъ какъ окончится воскрешеніемъ, при помощи Россіи, греческой Имперіи на Балканскомъ полуостровѣ, съ присоединеніемъ зато къ Россіи земель, окончательно дающихъ ей господствующее положеніе на Черномъ морѣ. Русское правительство понимало, что, хотя обстоятельства благопріятны, но война предвидится не легкая, происходить она будетъ на побережьѣ Чернаго моря, на Дунаѣ и за Дунаемъ; поэтому для ея успѣха представлялось дѣломъ первостепенной важности превратить Новороссійскій край въ хорошо организованный тылъ для нашихъ войскъ; къ этому и стремился Потемкинъ, и ради этой цѣли онъ въ иныхъ случаяхъ жертвовалъ національными интересами.

Императрица понимала важность для Россіи Новороссійскаго края, завоеваннаго тогда не вполнѣ еще, почему пріобрѣтеніе его и стало ближайшею цѣлью ея политики.

По мѣстнымъ условіямъ опаснѣе всего была Австрія, а съ другой стороны Іосифъ II, имѣя цѣлью усиленіе Австріи въ Германіи, былъ заинтересованъ въ союзѣ съ Россіей.

Такія обстоятельства привели къ развязкѣ. Въ 1780 г. И. Іосифъ явился въ Петербургъ, гдѣ и произошло сближеніе, поведшее затѣмъ къ союзу; въ этомъ же году Потемкинъ отправился въ свое генералъ-губернаторство, гдѣ и началась его колоссальная работа по приспособленію края къ войнѣ, причемъ лѣтомъ 1783 г. изъ собранныхъ имъ остатковъ запорожскихъ казаковъ имъ было сформировано войско черноморское, входившее въ составъ арміи, вмѣстѣ съ тогда же образованными Бугскими казаками, хотя по строю своему мало похожее на прежнее запорожское. Эта мѣра Потемкина можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ активности его участія въ руйнованіи Сѣчи. Полагать, что онъ перемѣнилъ взглядъ на запорожцевъ, сознавъ свою ошибку, трудно, ибо Потемкинъ былъ очень дальновиднымъ государственнымъ человѣкомъ.

Когда германскій проектъ Іосифа II потерпѣлъ крушеніе, онъ утѣшился греческимъ проектомъ Потемкина; за помощь, которую отъ него желала получить Россія, ему представлялось право вознаградить себя тоже завоеваніями на Балканскомъ полуостровѣ, причемъ имѣлись въ виду собственно тѣ славянскія земли, которыми русское правительство и тогда не дорожило, да и позднѣе довольно равнодушно уступило ихъ той же Австріи.

И Екатерина, и Іосифъ понимали важность и трудность предстоящей войны, равно и значеніе, которое долженъ былъ имѣть въ ней Новороссійскій край. Но, повидимому, Іосифъ не совсѣмъ довѣрялъ разсказамъ о новой его организаціи и хотѣлъ лично въ ней убѣдиться. Не безъ того, чтобъ не желала познакомиться съ новымъ краемъ, съ такою же цѣлью, и Императрица, хотя, безъ сомнѣнія, она болѣе довѣряла Потемкину. Такой смыслъ имѣло знаменитое путешествіе этихъ коронованныхъ особъ въ Новороссійскій край въ 1787 г. Въ томъ, какъ показалъ путешественникамъ свой край Потемкинъ, было дѣйствительно много и театральнаго (какъ и въ самомъ путешествіи); но все же впечатлѣніе было поразительное, что видно и по результатамъ. Не таковъ былъ И. Іосифъ II, чтобы его можно было подкупить театральными эффектами; онъ ясно видѣлъ всю показную сторону края и зло надъ нею смѣялся въ корреспонденціи со своими приближенными; но все же во время этой поѣздки окончательно были рѣшены союзъ Австріи и Россіи и война ихъ съ Турціей. Осуществленіе греческаго проекта пріобрѣтало большую вѣроятность.

Снова пропускаю разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ во время второй турецкой войны (1787—1791 г.), въ которыхъ и запорожцы не безъ славы принимали участіе, напр. при взятіи Очакова, Хад-

жибея, Измаила. Чтобы не возвращаться болѣе къ нимъ, я напомню лишь, что послѣ войны запорожцы были пересланы на дальнюю Кубань, составивъ тамъ особое войско черноморское, которое хотя и не жило уже политическою жизнью, но едва-ли не болѣе всѣхъ иныхъ частей Малороссіи сохранило малороссійскій бытъ и традиціи, и въ тоже время не безъ пользы, какъ и иные поселенные въ Предкавказьи казаки (малороссы или великороссы) служило Россіи въ ея войнахъ позднѣйшаго времени. Переселеніе на Кубань, кажется, и самими запорожцами понималось, какъ милость Екатерины, и нѣсколько примирило съ нею запорожцевъ, какъ объ этомъ отчасти можно судить по ихъ пѣснямъ; тогда какъ въ народныхъ пѣсняхъ бывшей Гетманщины память о Екатеринѣ II сохраняется недобрая, вслѣдствіе закрѣпощенія ею малороссійскихъ крестьянъ.

Возвращаясь къ войнѣ, видимъ, что частью иностранная дипломатія, частью и важныя событія, наступившія въ то время въ Европѣ, снова испортили намъ результаты блестящихъ побѣдъ Суворова.

По Ясскому миру, со дня котораго недавно протекло столѣтіе, Россія пріобрѣла нѣкоторыя, бывшія еще независимыми, татарскія части нынѣшней Херсонской губерніи, и въ томъ числѣ ту, на которой находится теперь Одесса, скоро ставшая крупнымъ торговымъ центромъ юга. Не отвергая важности этого пріобрѣтенія, особенно по его послѣдующему значенію, нельзя все таки не найти, что сравнительно съ греческимъ проектомъ результаты получились минимальные. Конечно, Россія въ Черноморьи достигла естественныхъ границъ, и южныя степи стали прочнымъ достояніемъ государства; но это далеко не все. За иныя части юга пришлось намъ и еще вести войны и все же не докончить дѣла. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ могло бы служить, что не перешли и славянскія земли къ Австріи, откуда выручать ихъ труднѣе, чѣмъ отъ Турціи, если бы онѣ все равно не перешли къ Австріи съ согласія Россіи впослѣдствіи.

Изъ всѣхъ указанныхъ выше помѣхъ нашимъ планамъ на счетъ Турціи важнѣе всего были польскія дѣла, къ которымъ и необходимо вернуться, такъ какъ они имѣютъ важное значеніе для исторіи южной Руси.

Ошеломленная утратами по первому раздѣлу, Польша поняла, что жить тою жизнью, какою она жила въ XVIII в., уже нельзя; надо итти за вѣкомъ; и въ ней сложилась руководящая патріотическая партія, рѣшившаяся произвести въ строѣ польскаго государства рядъ необходимыхъ реформъ. Съ успѣхомъ проведены были въ жизнь собственно мѣры, касающіяся торговли и промышленности и затѣмъ воспитательнаго характера; онѣ до извѣстной степени оживили Польшу, но нельзя десятилѣтіями излѣчить то зло, которое существовало въ теченіи вѣковъ. Что же касается реформъ въ государственномъ устройствѣ,—больномъ мѣстѣ Рѣчи Посполитой, здѣсь ввести ихъ было гораздо труднѣе, какъ вслѣд-

ствіе важности самаго дѣла, такъ и потому, что существующее государственное устройство было гарантировано другими державами и преимущественно Россіей. Для силы ихъ казалось важнымъ, чтобы Польша была слабою, и они, большею частью путемъ подкуповъ, составляли въ Польшѣ партіи, мѣшавшія реформамъ, что было въ Польшѣ очень легко сдѣлать; наконецъ, были тамъ и романтики, дорожившіе средневѣковыми въ ней порядками.

Успѣхи французской революціи ободрили и польскихъ патріотовъ, а выработанная въ началѣ революціи конституція почти цѣликомъ была перенесена и въ Польшу и принята путемъ всякихъ ухищреній. По этой конституціи политическія права распространены были на третье сословіе, безъ различія вѣроисповѣданія, т. е. и на нѣкоторое число православныхъ русскихъ. Россія протестовала противъ этого измѣненія, но не поддержала протеста вооруженнымъ путемъ, ибо еще занята была турецкою войною. Поляки тѣмъ храбрѣе совершили политическій переворотъ, что были увѣрены не только въ сочувствіи, но и въ помощи Австріи и Пруссіи; особенно послѣдняя агитировала въ Польшѣ въ пользу переворота, какъ потомъ оказалось съ іезуитскою цѣлью создать для Польши такое затруднительное положеніе, которое должно было окончиться ея гибелью, и изъ развалинъ ея выкроить для себя подходящую территорію.

Когда дѣйствія коалиціи противъ Франціи оказались неудачными, Австрія и Пруссія рѣшились прибѣгнуть къ союзу съ Россіей, гдѣ и Екатерина II, наконецъ, стала опасаться революціоннаго движенія въ з. Европѣ, не пощадившаго даже жизни коронованныхъ особъ. Но союзъ съ Россіей могъ быть купленъ только предоставленіемъ ей Польши, на что и согласились германскія державы, и особенно охотно Пруссія, увѣренная, что въ тогдашнихъ мутныхъ волнахъ она выловитъ крупную рыбу. Екатерина поняла, что теперь для Россіи возможно пріобрѣсть отъ Польши такія земли, которыя гораздо важнѣе предполагаемыхъ успѣховъ нашего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Она поторопилась заключить миръ съ Турціей, о которомъ было говорено. По наружности призванныя самими же поляками — торговицкими конфедератами, намѣревавшимися будто бы вернуть прежнее устройство Польши,—русскія войска, снова вступили въ Польшу и началась ея агонія. На призывъ къ Пруссіи Польша не только получила обидный отказъ, но прусскія войска даже стали занимать польскія земли. Поляки готовы были на все, чтобы избѣгнуть раздѣла: на избраніе въ государи русскаго царевича, на присоединеніе къ Россіи; но Екатерина II снова ограничилась отобраніемъ отъ Польши части ея территоріи и на этотъ разъ именно земель южно-русскихъ, уступивъ часть собственной Польши Пруссіи. Возстаніе польскихъ патріотовъ, послѣдовавшее вслѣдъ за вторымъ раздѣломъ Польши, сопровождавшееся, между прочимъ, новымъ расширеніемъ политическихъ правъ населенія и проектами освобожденія крестьянъ, къ сожалѣнію, слишкомъ запозда-

лыми, стало поводомъ для третьяго и послѣдняго раздѣла Польши, причемъ небольшой кусокъ южно-русской земли, остававшійся еще за Польшею—Холмская Русь—былъ отданъ Австріи; Россія же получила почти всю территорію Литвы со входившими въ ея составъ русскими племенами и Курляндію.

Присоединяя къ Россіи по второму раздѣлу южнорусскія земли, Екатерина II объявила, что она имѣетъ на нихъ притязаніе, какъ на наслѣдіе Владиміра Святого, правъ котораго она такимъ образомъ считала себя наслѣдницею. Можно было бы съ большимъ правомъ опереться и на желаніе самого населенія; но зачѣмъ говорить о правѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно слѣдуетъ за силою. Мы и разговоръ-то этотъ затѣяли лишь потому, что, если есть земли, нѣкогда присоединенныя къ Россіи Владиміромъ Святымъ и поэтому составляющія наслѣдіе отъ него, такъ это Червонная Русь, или Восточная Галиція, и она-то именно не была возвращена Россіи, а отдана Австріи!

Присоединеніемъ южно-русскихъ земель къ Россіи отчасти исправился Андрусовскій миръ, нѣкогда раздвоившій Малороссію, и въ этомъ отношеніи результаты были намъ полезные; но въ силу того же присоединенія эти южно-русскія земли, или, точнѣе сказать, ихъ господствующее сословіе, конечно, должно было потерять свои политическія права. Здѣсь сразу введены были общерусскіе порядки съ самыми незначительными отличіями. Но я не думаю, чтобы мѣстные польскіе магнаты были особенно огорчены потерею, такъ какъ они были вознаграждены за нее пріобрѣтеніемъ значенія, какъ въ высшей администраціи, и вообще въ русскихъ высшихъ сферахъ, такъ и еще болѣе въ мѣстной жизни.

Съ магнатами у насъ обходились особенно деликатно, вѣря въ ихъ сильное мѣстное значеніе, опасаясь его и надѣясь привлеченіемъ ихъ на свою сторону укрѣпить здѣсь свою власть. Эта была, конечно, ошибка, ибо сила края заключалась въ его русскомъ населеніи; но ошибка для XVIII в. вполнѣ простительная,—тогда такъ сильно вѣрили въ значеніе отдѣльныхъ личностей! Затѣмъ, руководствуясь тѣми принципами, на которыхъ устраивалась областная жизнь въ Россіи, правительство и въ земляхъ отъ Польши пріобрѣтенныхъ создавало бюрократически-дворянскій строй, очень выгодный для мѣстнаго шляхетства. Масса крестьянъ отдана была въ крѣпостную зависимость помѣщикамъ и не только русскаго, но и польскаго происхожденія. Всѣ эти мѣры оказались самыми неудобными для насъ и имѣли печальныя послѣдствія. Никогда полонизація края не дѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ началѣ русскаго владычества; что и понятно: Въ прежнее время, польское шляхетство, смотря на русскій народъ, какъ на быдло, т. е. скотъ, который существуетъ единственно ради его эксплоатаціи, мало интересовалось его полонизированіемъ; оно полагало даже, что это люди другой—не бѣлой, а черной кости, которые расовыми отличіями предназначены быть рабами благородному шля-

хетству, и что изъ хама не можетъ быть пана. Какъ ни тяжело было крѣпостное право въ Россіи, гдѣ мыслимы были помѣщики, при описаніи дѣяній которыхъ встаютъ дыбомъ волосы, и какъ ни разоряли они своихъ крестьянъ, но между помѣщикомъ и крестьяниномъ все же не было расовой разницы и существовала кое какая связь, хотя бы напр. религіозная. Затѣмъ помѣщикъ, иногда даже очень знатный, въ родѣ гр. Шереметева, могъ у насъ жениться на своей крѣпостной, а сдѣлать ее своею фавориткою —явленіе было у насъ обычное. Польскій панъ лучше охранялъ своего крестьянина въ экономическомъ отношеніи; хозяйственная культура была выше и полагалось хорошо заботиться о хозяйственномъ инвентарѣ, въ составъ котораго входили лошади, крѣпостные люди, волы и т. п., но стать съ своимъ инвентаремъ въ человѣческія отношенія было, конечно, невозможно.

Когда же паденіе Польши породило романтическія увлеченія ея былымъ строемъ, съ цѣлью ея возстановленія, то понято было, что безъ помощи народа при этомъ обойтись невозможно. Получить помощь отъ русскаго народа—тѣмъ болѣе невозможно. Единственнымъ исходомъ и явилось полонизированіе русскаго населенія, и эта работа, мало сдерживаемая какими либо правительственными мѣрами, дала блестящіе результаты, и лишь наши позднѣйшіе государственные люди обратили на этотъ вопросъ свое вниманіе.

Другимъ слѣдствіемъ присоединенія для южной Руси было сильное развитіе крѣпостнаго права въ этомъ краѣ, такъ что русскому народу нескоро пришлось праздновать свое освобожденіе отъ польскаго панства. Не даромъ поэтому въ юго-западномъ краѣ не сохранилось пѣсенъ о столь важномъ событіи, какъ присоединеніе края къ Россіи; тогда какъ народъ помнитъ о какихъ нибудь ничтожныхъ разбойникахъ въ родѣ Харька.

Судьба Восточной, т. е. южно-русской Галиціи была нѣсколько иная. По присоединеніи къ Австріи она сохранила политическія права, т. е. опять таки сохранили ихъ польскіе, или ополяченные магнаты, что для русскаго народа въ то время не имѣло ни малѣйшаго значенія. Но счастьемъ для него было то, что Галиція была присоединена къ Австріи въ сравнительно мягкое время царствованія Маріи Терезіи и Іосифа II. Среди ихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью упорядочить положеніе всѣхъ многочисленныхъ, разноплеменныхъ и различныхъ по строю областей, входившихъ въ составъ Австрійскихъ земель, нѣкоторыя распространялись и на Галицію и, какъ напр. касающіяся религіознаго положенія народа, духовенства, образованія, были ей полезны; особенно же урбаріальный уставъ Маріи Терезіи, коимъ началось освобожденіе крестьянъ въ Австріи какъ разъ въ то время, когда у насъ они были всего болѣе закрѣпощены. Но, какъ ни хороши сравнительно эти результаты, они все же не могли въ глазахъ русскаго населенія вознаградить его за разрывъ съ остальнымъ русскимъ народомъ; говорю, конечно, о разрывѣ внѣшнемъ, преимущественно политическомъ, такъ какъ духовнаго разрыва между двумя

частями южно-русскаго населенія еще не было. Ихъ умственная жизнь была однообразна и ихъ народная поэзія показываетъ и сходство ихъ быта, и сходство ихъ идеаловъ.

Этимъ я и заканчиваю, свое обозрѣніе исторіи Южной Руси при И. Екатеринѣ II. Очень опасаюсь, что я слишкомъ бѣгло изложилъ фактическую сторону... Сознаюсь и въ другомъ — въ мозаичности, въ неполной систематичности; — мнѣ приходилось переходить то къ внутреннимъ вопросамъ, то къ Польшѣ, то къ Турціи, опять ко внутреннимъ дѣламъ и т. д. Но я рѣшительно не умѣлъ поступить иначе. Не первый разъ приходится мнѣ излагать исторію И. Екатерины II, и всякій разъ я отступалъ отъ предпринимаемой мною для себя самаго попытки сдѣлать изложеніе этой исторіи болѣе систематическимъ. Крайняя несистематичность лежитъ въ самыхъ событіяхъ Екатерининскаго царствованія, и, если бы я замаскировалъ этотъ фактъ болѣе систематическимъ изложеніемъ, я бы далъ объ этомъ царствованіи невѣрное представленіе, чего я именно очень опасался.

Все вышеизложенное кладетъ на меня обязанность сдѣлать резюме, вѣрнѣе говоря, закончить изображеніемъ, хотя бы въ краткихъ чертахъ, того, чѣмъ стала южная Русь въ концѣ царствованія И. Екатерины II. Результаты получились слѣдующіе.

1) Значительная часть южно-русской земли, еще остававшаяся до XVIII в. за Рѣчью Посполитой, присоединена была къ Россіи, почему въ составъ ея вошла, такимъ образомъ, большая часть южно-русской національности.

2) Исключеніе составили Восточная Галиція, или Червонная Русь, и Холмская земля, которыя уступлены были Австріи и, вмѣстѣ съ принадлежавшею ей уже Угорскою Русью, образовали тоже довольно большой участокъ южно-русской земли. Во избѣжаніе недоразумѣнія оговорюсь, что въ XIX в. Холмская Русь возвращена была Россіи, Галиція же—наслѣдіе Владиміра Святого—и понынѣ принадлежитъ Австріи.

3) Такимъ образомъ объединеніе южно-русскихъ земель, а слѣдовательно и вообще русскихъ земель Россіею въ XVIII в. достигнуто не было. Причиною этого считаемъ, главнымъ образомъ, примѣненіе къ дѣлу объединенія принципа просвѣщеннаго абсолютизма: все для народа, но ничего посредствомъ народа. Поэтому объединеніе русскихъ земель, на которое смотрѣли исключительно съ точки зрѣнія государственности, совершилось преимущественно при посредствѣ дипломатическихъ комбинацій, съ пренебреженіемъ желаній населенія, которыя однако вполнѣ соотвѣтствовали интересамъ Россіи. И великое дѣло объединенія русскаго народа было скомпрометировано мелочностью средствъ, къ нему примѣненныхъ, даже извѣстною игрою, допустимою въ диплома-

тическихъ отношеніяхъ, но не вполнѣ одобряемою съ точки зрѣнія справедливости.

4) Горсть южно-руссовъ—запорожцевъ осталась за Турціей, за Дунаемъ была сформирована Запорожская Сѣчь съ старыми порядками; но это была только слабая тѣнь прежняго Запорожья, лишенная какого бы то ни было значенія.

5) Окончательно пріобрѣтенъ былъ и закрѣпленъ за Россіей Новороссійскій край, что имѣло важное политическое значеніе, въ смыслѣ рѣшенія нашей борьбы здѣсь съ татарами и достиженія на Черномъ морѣ не только безопасности, но и могущества, и экономическое, открывъ этотъ плодородный край народной колонизаціи.

6) Въ общемъ дѣятельность правительства относительно южной Руси привела къ болѣе крѣпкому сліянію ея съ остальною Русью, къ большей централизаціи и однообразію устройства, что соотвѣтствовало политическимъ ученіямъ XVIII в., основаннымъ на раціонализмѣ.

7) Всѣ принадлежавшія въ концѣ XVIII в. русскому государству южно-русскія земли, какъ раньше входившія въ составъ Россіи, такъ и пріобрѣтенныя отъ Польши, не сохранили политическихъ правъ, которыми онѣ пользовались въ XVIII в., и ихъ строй приведенъ былъ въ соотвѣтствіе съ строемъ всего русскаго государства, выработаннымъ его предшествующей исторіей.

8) Исключеніе снова составляли южно-русскія земли, отошедшія къ Австріи, соотвѣтственно съ строемъ самой Австріи; но и здѣсь политическія права болѣе принадлежали не русскому населенію, а польскимъ (а въ Угорской Руси — венгерскимъ) магнатамъ.

9) Введенные въ южно-русскія области, входившія въ составъ Россіи, областные порядки соотвѣтствовали тѣмъ, которые существовали во всемъ государствѣ, главнымъ образомъ, въ интересахъ одного господствовавшаго сословія; существенными чертами здѣсь могутъ быть сочтены: признаніе за мѣстною аристократіей, т. е. за польскимъ шляхетствомъ и за малорусскимъ знатнымъ казачествомъ правъ и преимуществъ русскаго дворянства, утвержденіе крѣпостнаго права и введеніе русскихъ областныхъ учрежденій. Но самый составъ населенія въ южно-русскихъ областяхъ измѣнился мало, такъ какъ ввести общерусскіе порядки оказалось возможнымъ и при этомъ условіи, вслѣдствіе предшествующей исторіи, и еще болѣе вслѣдствіе культурнаго сближенія двухъ главныхъ русскихъ національностей.

10) Исключеніе составляло одно Запорожье, строй котораго, хотя и разлагавшійся, все еще былъ таковъ, что не могъ быть непосредственно замѣненъ губернскимъ, или уѣзднымъ. Поэтому Запорожье было уничтожено, и введеніе областнаго управленія въ Новороссійскомъ краѣ сопровождалось и его колонизированіемъ.

11) Уничтоженіе Запорожья оказалось однако преждевременнымъ, почему запорожское войско скоро было возстановлено; но, по несовмѣстимости его пребыванія въ Новороссійскомъ краѣ съ установившимися уже здѣсь порядками, оно было переселено на такое мѣсто, гдѣ могло принесть больше пользы государству и въ то же время могло еще нѣсколько времени, не вступая въ коллизію съ государственными порядками, сохранять старыя традиціи.

12) Новороссійскій край открытъ былъ самой широкой колонизаціи и дѣйствительно достигъ цвѣтущаго состоянія, что составляетъ большую заслугу Екатерины II, Потемкина и многихъ второстепенныхъ дѣятелей. Хотя колонизація была самая разнообразная, но болѣе всего, какъ и слѣдовало ожидать, — въ зависимости отъ территоріальныхъ условій, — южно-русская. Къ сожалѣнію, развитіе крѣпостнаго права въ Россіи значительно сдерживало русскую колонизацію, и ее возмѣстила иностранная, очень покровительствуемая правительствомъ, почему Новороссійскій край хотя и необычайно развился въ экономическомъ отношеніи, но его торгово-промышленныя свойства были эксплоатируемы преимущественно иностранцами.

13) Въ земляхъ, отъ Польши пріобрѣтенныхъ, не принято было никакихъ мѣръ для поднятія русскаго элемента, ибо онъ представляемъ былъ простымъ народомъ, а обращено было особенное вниманіе на высшій, тогда не русскій, классъ населенія, что сказалось впослѣдствіи многими для Россіи неудобствами.

14) Народъ, не будучи въ состояніи оцѣнить все значеніе царствованія И. Екатерины II для Россіи и судя лишь по непосредственному впечатлѣнію, полученному отъ крѣпостнаго права, не добромъ вспоминаетъ это царствованіе, что видно изъ народной поэзіи.

15) Области, отошедшія къ Австріи, удачно воспользовались тѣми реформами, которыя были предприняты для всей Австріи во 2-й половинѣ XVIII вѣка; но разница въ получившемся строѣ русскихъ и австрійскихъ южно-русскихъ земель не разъединила здѣсь въ XVIII в. русскаго населенія, связаннаго единствомъ національнаго самосознанія, чѣмъ и открыты были дальнѣйшія перспективы дѣлу объединенія русскаго народа.

Ал. Марковичъ.

